

Однако еще больше недоумения вызывало то, что Яо Е, обладая талантом, отказался от хорошо оплачиваемой должности тренера сборной провинции и выбрал преподавание в школе плавания. Наставники втихомолку предполагали, что у него нет влиятельных покровителей, и, несмотря на то что он был выдающимся пловцом, в обществе он столкнулся с трудностями и был отправлен сюда. Но даже если у него и не было поддержки, формально он был их непосредственным начальником.

Таким образом, решение было принято, и родители Лю Яна, жившие в другом городе, получили уведомление.

В это время Лю Ян в школе продолжал предаваться фантазиям. Он повис на перилах третьего этажа, разглядывая двор внизу, с выражением лица похотливого старика, готового пустить слюни и свистнуть.

Учебный корпус был построен в форме буквы «П», посередине была маленькая спортивная площадка, ближе к входу стоял флагшток с развевающимся флагом, а вокруг него группами прыгали через скакалку маленькие девочки. Их косички подпрыгивали в такт, а детские голоса и звонкий смех наполняли воздух.

Время от времени с нижнего этажа доносились радостные крики, и губы Лю Яна растягивались в улыбке, а его тело, казалось, окутывали розовые пузыри счастья.

Когда прозвенел звонок на урок, дети шумно ворвались в класс, а Лю Ян не спеша последовал за ними.

Учитель китайского языка вошел в класс с пачкой аккуратно сложенных бумаг. Как только он встал у доски, раздался звонкий голос старосты:

— Встать!

В мгновение ока все ученики поднялись и почтительно поклонились:

— Здравствуйте, учитель!

Учитель кивнул и улыбнулся:

— Здравствуйте, дети. Сегодня контрольная по разделу. Вот.

Он встал у первого ряда и начал раздавать листы, ученики передавали их назад.

Лю Ян взял листок, бегло взглянул и уткнулся в работу.

Из-за роста спортсменов последние ряды были заняты ими, и некоторые места даже были рассчитаны на двух мальчиков.

В момент, когда Лю Ян хотел начать писать, он замешкался. Написал иероглиф, посмотрел, нахмурился, стер резинкой, написал снова, стер снова, и только когда взял карандаш в левую руку, остался доволен.

В наше время почерк у людей обычно только улучшается, а у него всё наоборот, становился всё хуже.

Лист был заполнен быстро. Лю Ян несколько раз перепроверил работу и даже намеренно исправил правильные ответы на неправильные, лишь тогда кивнул с удовлетворением.

Высовываться не к добру, тем более его главный фокус теперь не на учебе, а на тренировках. Лучше делать меньше того, что привлекает внимание.

По возвращении в школу их по-прежнему встречал наставник Чжао. Лю Ян стоял в шеренге, мысленно ища удобный случай поговорить с наставником Чжао: сначала искренне извиниться, затем глубоко осознать свои ошибки, а потом рассказать о своей решимости. Как бы там ни было, событие это стоит попытаться сгладить.

Поэтому, когда дети, войдя в ворота школы, начали группами расходиться, Лю Ян остался стоять на месте.

Наставник Чжао сделал угрожающее лицо и посмотрел на него:

— Осознал ошибку?

— Да, осознал, — послушно кивнул Лю Ян.

— В какой именно?

— Не надо было так сильно бить, не надо было драться с товарищем по команде. Наставник Чжао, я действительно глубоко переживал. Клянусь, что больше не буду драться. Простите меня, пожалуйста. Больше не посмею. Вернувшись, я извинюсь перед Ван Ясином и буду носить ему еду.

Наставник Чжао подошел и помял его голову, ничего не говоря.

Лю Ян явно почувствовал неладное, сердце забухало:

— Тук-тук.

Он позабыл обо всем, бросился обнять ноги наставника Чжао, и слезы градом посыпались:

— Наставник Чжао, умоляю, не отчисляйте меня! Больше не буду, больше драться не буду! Я напишу расписку, ладно? Прошу вас, я не хочу отсюда уходить. Я люблю плавать, очень люблю. Буду старательно тренироваться, буду вас слушаться, прошу вас...

Наставник Чжао разжал его руки, присел на корточки, чтобы его лицо оказалось на одной высоте, и добродушно улыбнулся. Шершавые пальцы скользили по его щеке, с легкой болью вытирая слезы.

— Ничего, не плачь. Мальчику плакать до такого состояния — какой уж тут вид. Наставник Чжао знает, что ты искренне раскаялся, знает, что тебе очень жаль. Поэтому наставник Чжао попробует придумать способ. Если ты будешь старательно тренироваться и повышать результаты, наставник Чжао гарантирует, что тебя не отчислят. Хорошо?

Лю Ян продолжал всхлипывать, глядя прямо в глаза наставнику Чжао, пытаясь найти на его лице повод для успокоения.

Он плакал, действительно плакал, действительно боялся. Он не хотел уходить, совсем не хотел. Его жизнь только начиналась, его будущее было здесь. Уходить не хотел, ну никак не хотел.

Разумеется, такой истеричный плач был не без доли игры. Лю Ян утешал себя тем, что ему сейчас всего двенадцать лет, а этот дядя — человек суровой внешности, но доброго сердца. Наверняка, если прольется еще несколько золотых слезинок, можно добиться эффекта.

И он продолжал рыдать.

От плача у наставника Чжао разболелась голова, ладонь со всей силы терзала макушку Лю Яна:

— Лю Ян, наставник Чжао знает, что ты хороший ребенок. Когда другие дети ноют и жалуются на усталость, только ты послушно тренируешься. Поэтому наставник Чжао обязательно постарается, постарается, ладно? Чтобы ты здесь остался.

— У-у-у-у...

— Ладно, хватит плакать.

— У-у-у...

— Ну что, тебе это нравится?

— У-у...

— Плачь, плачь, продолжай, стой здесь, не двигайся, плачь до самого начала занятий после обеда.

— Уа-а-а...

— Хорошо, хорошо, хорошо, — наставник Чжао в ярости трижды произнес «хорошо», тут же встал и ушел.

Оставив Лю Яна в полном шоке.

Подул ветер.

Лю Ян дернулся.

Вмиг всё стало ясно.

Переборщил.

Он забыл, где находится. Здесь люди могут потеть, могут плакать, но не могут принять такие слабые слезы.

Он быстро вытер слезы и сел на землю, чувствуя, как ноги подкашиваются.

Вдруг он почувствовал, что ему действительно стоит как следует успокоиться.

В первый день после обеда подрался, на второе утро снова подрался, а в тот же день в обед попросил о помощи, но ничего не вышло, и его прямо бросили на обочине.

Лю Ян закрыл глаза, непрерывно приказывая себе успокоиться.

Так он просидел больше десяти минут, в забытьи маленькая ладошка попала ему в глаза.

Он поднял свою руку, медленно перевернул. Маленькая ладошка, слегка смуглая, сжатая — такая сильная, горячая, живая. Оказывается... действительно перерождение, это правда.

Как во сне, где ничего не видно ясно, всё в беспорядке, люди вокруг ходят туда-сюда, а он в

другом мире холодно наблюдает, самонадеянно оперируя этим миром мыслями взрослого, но всё идет кувырком.

У Лю Яна была привычка, которая сохранялась с детства и оставалась с ним даже в тридцать два года.

Когда он думал, ему нравилось двигаться.

Не резкие движения, а медленные, с сохранением одинаковой последовательности и частоты, например, бег трусцой или подъемы туловища.

У большинства людей при спорте мозг испытывает нехватку кислорода, мысли пустые, но Лю Ян — нет. В такой ситуации его мозг работал еще быстрее, чем обычно, и многие проблемы, которые обычно не удавалось осмыслить, во время движения вдруг прояснились.

Он считал, что это особенность спортсменов. Их тела привыкли к нагрузкам, и чтобы оставаться в сознании при чрезмерной активности, мозг подсознательно увеличивает снабжение кислородом, что приводит к ясности мысли.

Поэтому, хотя Лю Ян в средней школе уже перестал быть спортсменом, условный рефлекс организма уже сформировался, и до самой смерти он сохранял эту привычку.

Дойдя до этого места в мыслях, Лю Ян не успел даже вернуться в общежитие, просто закинул за спину ранец и начал бегать вокруг бассейна. Скорость была невысокой, дыхание ровным, он старался сохранять шаги в одном ритме.

Он бежал круг за кругом, и его мозг, сначала хаотичный, постепенно успокоился. Всплыли все детали инцидента с дракой, причины и следствия.

Наставник Чжао был его наставником, за этот инцидент с дракой он тоже нес часть ответственности, значит, для решения этого дела он наверняка старается. Но этого недостаточно, этого еще мало, сам должен сделать что-то, по крайней мере постараться изменить неблагоприятное положение дел.

Сначала он спровоцировал, потом тот начал, а он ответил. Если следовать нормальной процедуре, основную ответственность за драку он бы не нес, но он ударил слишком сильно, тогда Ван Ясинь завоюет сочувствие всех, ситуация очень невыгодна.

<http://bllate.org/book/16608/1518529>